

ТАИРОВ

ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Фото: МДТ им. Пушкина

Николай Троцкий

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ТАИРОВ, СОЗДАТЕЛЬ И БЕССМЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО КАМЕРНОГО ТЕАТРА, ЧИСЛИТСЯ В СЛОВАРЯХ КАК СОВЕТСКИЙ РЕЖИССЕР. Но по сути был, пожалуй, скорее антисоветским. А точнее, пребывал вне времени и пространства. КАМЕРНЫЙ ТЕАТР ТАИРОВА БЫЛ БЕСКОНЕЧНО ДАЛЕК ОТ ВСЕГО ТОГО, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ЗА ЕГО СТЕНАМИ.

В разгар Первой мировой он внутренне эмигрировал в Азию и представил зрителям драму индийского классика Калидасы «Сакунтала». В те годы восточной экзотикой увлекались многие. Достаточно вспомнить великого английского режиссера Гордона Крэга. Но у Таирова это выглядело особенно вызывающе. Окопным ужасам он демонстративно противопоставил красоту древнего Востока, которую воплощала его главная актриса, любимая жена и муза Алиса Коонен. Такое противопоставление – тенденция для Таирова, обдуманная и твердая позиция. В разгар революции 1917-го он поставил на сцене своего театра «Саломею» Оскара Уайльда, пьесу, посвященную извращенным эротическим фантазиям дочери царя Ирода, восплававшей страстью сначала к Иоанну Крестителю целиком, а потом – к отдельно взятой его

голове. Трудно найти драму, более далекую от исторических событий, которые происходили в то время в Москве и Петрограде. Но режиссеру было глубоко наплевать на события внешней истории, он демонстративно от них отстранялся. Главную роль в пьесе сыграла все та же Алиса Коонен. Вот как описывал ее писатель и критик Леонид Гроссман: «Почти сакраментальным жестом Саломея возносит руки к глазам в благоговении перед явившимся ей божеством. «Я влюблена в твое тело», – молитвенно произносит царица, словно ослепленная явлением Бога. И тут же, в смятении и ужасе, ее руки начинают извиваться, как змеи, готовые опутать и до смерти зажать в своих кольцах намеченную жертву»...

Тем временем закончилась Гражданская война. Наркомпрос отдал в бессрочное пользование Камерному театру здание на Тверском бульваре Москвы. Началось яростное и лихорадочное строительство советской власти. Но Таиров его как бы и не заметил. Или не хотел замечать. Начало мирной

Фото: ГИИМ им. А.А. Блокшишина

*Molore ea
acillaoreet
velis atueril
eros dolobortie
faci elendrem
zzriure estie
facinci duiipit*

жизни он отметил забытой мелодрамой Эжена Скриба «Адриенна Лекуврер», посвященной великой французской трагической актрисе начала XVIII века. Французская пьеса пришлась по вкусу публике времен нэпа. Спектакль стал одним из самых аншлаговых и продержался в репертуаре Камерного театра до самого его конца. После 750-го представления французский писатель Жан-Ришар Блок заявил, что Таиров и Коонен подняли мелодраму Скриба до уровня трагедии.

Таирову были подвластны все жанры, он ставил и веселые водевили, и слезливые мелодрамы, но больше всего любил трагедию. И неважен фон, на котором эта трагедия развивалась: антично-классицистский антураж, как у Федры и Клеопатры, или суровые реалии недавней гражданской войны, как у женщины-Комиссара из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

Все это не имело отношения к советским реалиям. Даже обращаясь к советскому репертуару, он преображал его,

превращал в высокую трагедию, посвященную вечным темам – любви, ненависти, зависти... Выводил из узкого мирка злободневности в вечность.

На фоне рожденного революцией и переломной эпохой экспериментального театра Мейерхольда и уходящего корнями в гущу русской классики МХАТа Станиславского и Немировича-Данченко театр Таирова смотрелся как типичный европейский. Его эстетика в целом совпадала с художественными поисками ведущих английских, немецких и особенно французских режиссеров. Спектакли Камерного театра имели неизменный успех не только среди иностранцев, но и среди родной советской публики. То есть по крайней мере в области театра не существовало никакого «особого пути» России и СССР как одной из ее ипостасей.

Что и было замечено зарубежной публикой во время гастролей 1923 и 1925 годов во Франции и Германии. Это событие запомнилось Европе надолго. Прежде все-

го гастролы театра из «страны победившего социализма» попытались сорвать враги и недоброжелатели СССР. Были и заранее написанные бранные рецензии, и подкупленные клакеры, которые с особой силой обрушились на аполитичную «Федру» Расина с Алисой Коонен в главной роли. Таиров выдержал, выстоял и триумфально победил в этом сражении. Дело кончилось восторженным приемом, устроенным русскими эмигрантами в честь актеров Камерного театра. Восторгами Жана Кокто, Пабло Пикассо, Фернана Леже, других гениальных художников, поэтов, драматургов, в том числе и просоветски настроенных...

На Международной выставке в Париже в 1925 году Камерный театр завоевал Большой приз. Таиров удостоился множества похвал, в том числе и весьма сомнительных с точки зрения советской идеологии. «Ну какие они большевики, – писал в одной из рецензий немецкий писатель Альфред Деблин, – это буржуи на 200 процентов, художники, производящие предметы роскоши». Так, в сущности, и было. И советская власть до поры до времени терпела эти классово чуждые постановки.

Но драматический финал был неизбежен. Начало конца, правда, выглядело несколько абсурдно. Таиров не сделал ничего антисоветского, а, наоборот, переусердствовал в обличении досоветского прошлого. В 1936 году он поставил комическую оперу Александра Бородина «Богатыри» с новым текстом поэта-большевика Демьяна Бедного. За что и пострадал. Неудивительно, что он не заметил, как в конце 30-х годов Сталин взял курс на решительный отказ от революционных ленинских традиций и восстановление имперских порядков. Если уж сам Демьян Бедный не понял, что прошло время безнаказанных издевательств над досоветским прошлым и вождь приказал всем вновь стать патриотами, этого тем более не мог понять аполитичный Таиров. Вот и получили оба по полной програм-

Фото: ГЦМ им. А.А. Бахрушина

*Molore ea
acillaoreet
velis atueril
eros dolobortie
faci elendrem
zrriure estie
facinci duiipit*

ме за «искажение исторического прошлого русского народа». Хорошо еще, что тогда не знали слова «руссофобия», а то припомнили бы Таирову его еврейское происхождение...

Критика обрушилась на Камерный театр и его руководителя со страшной силой. Утверждалось даже, будто в практике театра была целая «система замаскированных вылазок против нашей партии, советского строя и Октябрьской революции». Однако до закрытия было еще далеко. В августе 1937 года театр попробовали объединить с Реалистическим театром Николаем Охлопкова, но спустя два года отменили это решение, в котором не было никакого художественного смысла.

А потом была война и эвакуация. В 1944 году Таиров поставил последний великий спектакль с Алисой Коонен в главной роли – «Без вины виноватые» Александра Островского. «Что-то от одиночества бодлеровского альбатроса было в этой кооненовской Кручининой, в ее отрешенном взгляде, устремленном вдаль, поверх голов окружающих людей, в ее движениях, непро-

Фото: ГЦМ им. А.А. Бахрушина

*Molore ea
acillaoreet
velis atueril
eros dolobortie
faci elendrem
zrriure estie
facinci duiipit*

извольно быстрых и резких, не соразмеренных с теми ритмами и темпами, в которых двигалась толпа остальных персонажей», – писал в рецензии на премьеру Борис Алперс, классик советской театральной критики.

Почти сразу после войны все и кончилось. 19 мая 1949 года постановлением Комитета по делам искусств Таиров был уволен из Камерного театра. 29 мая в последний раз давали «Адриенну Лекуверрер». Алиса Коонен играла вдохновенно, самозабвенно. «Театр, мое сердце не будет больше биться от волнения успеха. О, как я любила театр... Искусство! И ничего от меня не останется, ничего, кроме воспоминаний...» Последние слова Адриенны стали прощанием создателей Камерного театра со зрителями.

Таирова перебрали в Театр имени Вахтангова как очередного режиссера. Ножить без своего театра он не мог. И 25 сентября 1950 года он скончался. Официальный диагноз – рак мозга. Фактически же он умер от тоски и разочарования.

Ему повезло по сравнению со многими его современниками: не отправили в ла-

герь, не расстреляли, как Мейерхольда. Но едва ли Таирову было легче от этих абстрактных соображений. Жизнь без Камерного театра не имела для него ни малейшего смысла.

Алиса Коонен прожила еще долго, до 1974 года. Работала не покладая рук на концертных площадках, на радио, в студиях грамзаписи. Только на театральную сцену ни разу больше не вышла...

Существует легенда, будто после закрытия Камерного театра Коонен прокляла само здание, в котором открыли драматический театр имени Пушкина. Во всяком случае, народный артист СССР Василий Ванин, назначенный первым главным режиссером этого новообразованного театра, скоропостижно скончался, не дождавись даже окончания ремонта.

Бывший актер Камерного театра Владимир Торстенсен, хорошо знавший Коонен, в интервью категорически опровергал этот миф. По его словам, Алиса Георгиевна была искренне верующим человеком, «в ее будуаре стоял киот с иконами, горели лампы», и ей был глубоко чужд язык проклятий.

*Molore ea
acillaoreet
velis atueril
eros dolobortie
faci elendrem
zzriure estie
facinci duiipit*

Фото: МДТ им. Пушкина

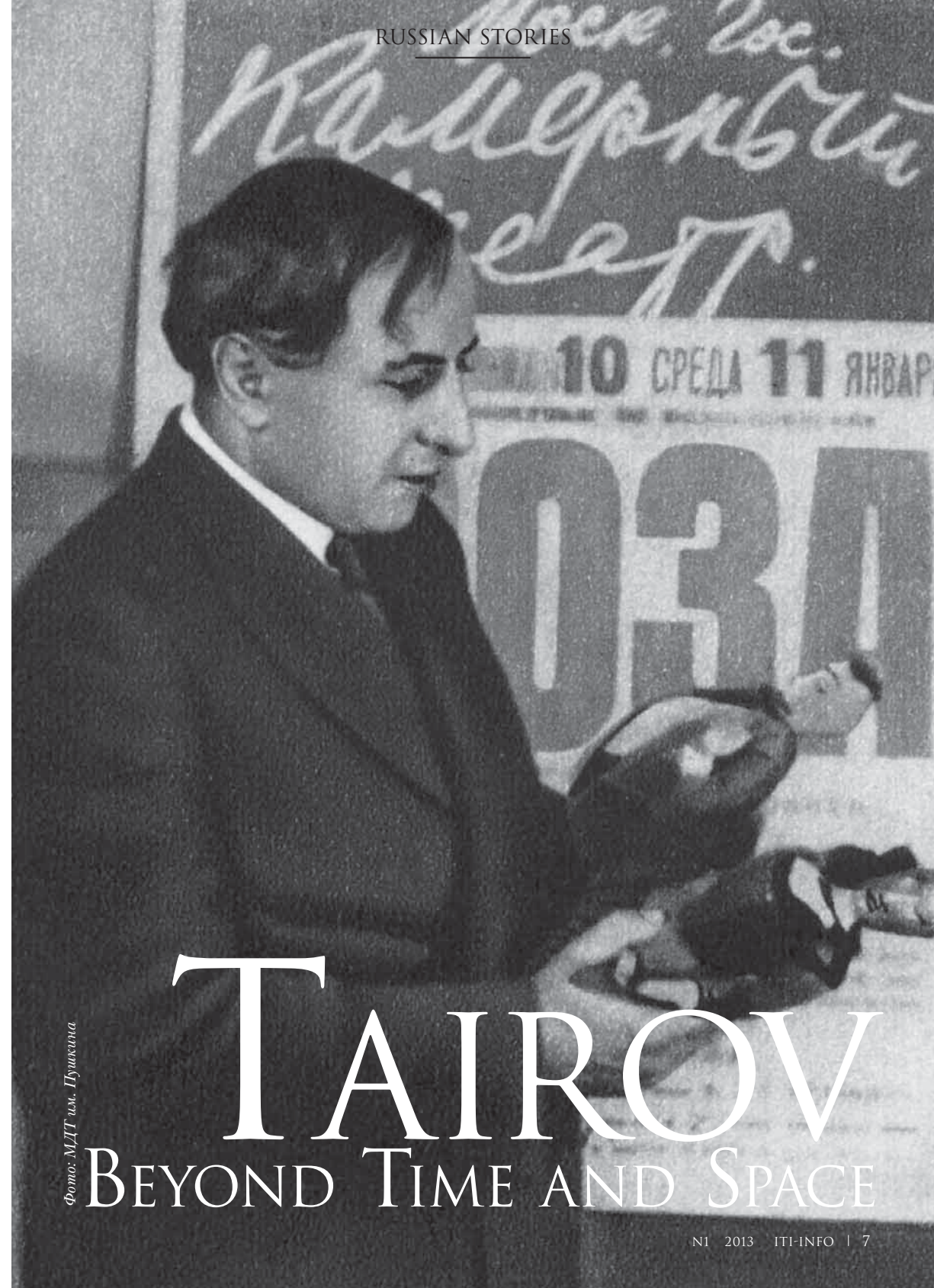

Фото: МДТ им. Пушкина

ТАИРОВ

BEYOND TIME AND SPACE

ALEXANDER YAKOVLEVICH TAIROV, FOUNDER AND UNCHALLENGED DIRECTOR OF THE MOSCOW CHAMBER THEATRE, IS LISTED IN ENCYCLOPEDIA Dictionaries AS A SOVIET DIRECTOR. YET AT HEART HE WAS, IN FACT, RATHER ANTI-SOVIET. OR, MORE PRECISELY, HE EXISTED SOMEWHERE BEYOND TIME AND SPACE. TAIROV'S CHAMBER THEATRE WAS MILES AWAY FROM EVERYTHING THAT HAPPENED OUTSIDE ITS WALLS.

In the midst of World War I he internally immigrated to Asia and presented the audiences there with the production of "Sakuntala", a drama by India's classic Kalidasa. In those days many were enamoured with Oriental exotica. One needs only remember the great English director Gordon Craig. But Tairov made it all look especially provoking. He pointedly set the beauty of ancient Orient, personified by his leading actress, beloved wife and muse Alisa Koonen, against the horrors of trench warfare. This type of contrast is a trend for Tairov, a well thought-out and firm position. In the midst of the Revolution of 1917 he used the stage of his own theatre to present Oscar Wilde's "Salome", a play about perverted erotic fantasies of King Herod's daughter, who became passionately enamoured first with John the Baptist himself, and then with his detached head. One would be hard-pressed to find a drama that was farther removed from the historical events that were taking place in Moscow and Petrograd at that time. But the director couldn't care less about the events of external history; he made it a point to distance

himself from them. The lead role in the play was once again performed by Alisa Koonen. Here is how writer and critic Leonid Grossman described her: "Salome raises her hands to her eyes in an almost sacramental gesture, in awe of the deity that appeared before her. 'I am in love with your body,' the princess whispers devotionally, as if blinded by the appearance of God. And then immediately she becomes flustered and horrified, her hands beginning to coil and twist like snakes, ready to ensnare and squeeze the intended victim to death between their coils"... Meanwhile, the Civil War came to an end. People's Commissariat for Education gave the Chamber Theatre a building on Tverskoy Boulevard in Moscow for permanent use. A fierce and frantic building of the Soviet government has begun. Tairov, though, didn't even seem to notice it. Or didn't want to. He celebrated the start of a quiet, war-free life with a forgotten melodrama "Adrienne Lecouvreur" by Eugene Scribe, dedicated to the great French tragic actress of

the early XVIII century. The French play suited the taste of the NEP era audience. The production was hugely successful and remained in the Chamber Theatre's repertoire until the very end. Following its 750th performance, French writer Jean-Richard Bloch declared that Tairov and Koonen raised Scribe's melodrama to the level of a tragedy. Tairov could handle any genre; he staged light-hearted vaudevilles and tear-jerking melodramas, but the genre he loved most of all was tragedy. And it didn't matter the background against which the tragedy unfolded: ancient classical entourage, as in the case of Phaedra or Cleopatra, or harsh realities of the recent Civil War, as for the female Commissar from Vsevolod Vishnevsky's "Optimistic Tragedy". None of this had anything to do with Soviet day-to-day reality. Even when he did turn to Soviet repertoire, he transformed it, turning it into a high tragedy, dedicated to the eternal themes of love, hatred, jealousy... He brought it out of the narrow world of present-day reality and led it into eternity. Against the backdrop of Meyerhold's experimental theatre, born out of the Revolution and the climatic era, and the Stanislavsky and Nemirovich-Danchenko Moscow Art Theatre, whose roots hark back to the deepest history of Russian classics, Tairov's theatre appeared to be typically European. His aesthetics generally coincided with creative quests of leading English, German and, especially, French directors. The Chamber Theatre productions had unflinching success not only with foreigners but with its domestic Soviet audiences as well. In other words, in the realm of theatre at least, there was no "special path" for Russia and the USSR, as one of its guises. And this is what foreign audiences noted in fact during his guest performances in 1923 and 1925 in France and Germany. Europe remembered that event for a long time. To begin with, various USSR enemies and ill-wishers tried to sabotage the guest performances of the theatre from "the country of the victorious socialism". There were the abusive reviews written ahead of time, and the hired claqueurs, who pounced with particular fury on Racine's apolitical "Phaedra" with Alisa Koonen in the lead-

ing role. Tairov survived it, held out and came out triumphantly victorious in this battle. It all ended with an enthusiastic reception given by Russian immigrants in honor of the Chamber Theatre actors. With exalted reviews from Jean Cocteau, Pablo Picasso, Fernand Leger, and other brilliant artists, poets, playwrights, including pro-Soviet ones... At the International Exhibition in Paris in 1925 the Chamber Theatre was awarded the Grand Prize. Tairov received a great number of accolades, including some rather questionable ones from the point of view of Soviet ideology. "They are no Bolsheviks," wrote German writer Alfred Deblin in one such review, "they are bourgeois to their very core, artists, who create articles of luxury." He was essentially right. And the Soviet government tolerated these productions with foreign class mentality but only up to a point. A dramatic finale was unavoidable. The beginning of the end, though, seemed rather absurd. Tairov hadn't done anything anti-Soviet; on the contrary, he went overboard in his condemnations of pre-Soviet past. In 1936, he staged Alexander Borodin's comic opera "The Bogatyr's" with a new libretto by Bolshevik poet Demian Bedny. And he paid for that. It's not surprising that he didn't notice a change in direction, where in late 1930s Stalin pushed the country to categorically renounce Lenin's revolutionary traditions and restore imperial order. If even Demian Bedny himself didn't understand that the time for deriding pre-Soviet past with

Molore ea acillaoreet velis atueril eros dolobortie faci elendrem zzriure estie facinci duiipit

Фотом.: ИИТМ им. А. А. Брехневана

impunity had passed and that the leader ordered everyone to once again become patriots, someone as apolitical as Tairov had even less of a chance at understanding it.

And so they both suffered the consequences to the max for “perverting the historical past of the Russian people”. It’s a good thing that the term “Russophobia” didn’t exist back then, or Tairov would have been crudely reminded of his Jewish roots...

Critics descended on the Chamber Theatre and its director with tremendous fury. They even claimed that the theatre had an entire “system of disguised attacks against our Party, the Soviet regime and the October Revolution.” Yet the theatre was not to be closed just yet. In August of 1937, a decision was made to unite the Chamber Theatre with Nikolai Okhlopkov’s Realistic Theatre. Two years later, however, that decision was overturned for lack of any artistic sense.

Then came the war and evacuation. In 1944, Tairov staged his last great production with Alisa Koonen in the lead role – Alexander Ostrovsky’s “Guilty Without Fault”. “There was something of the loneliness of Baudelaire’s albatross in Koonen’s Kruchinina, in her vacant, distant stare aimed above the heads of those around

her, in her movements, involuntarily quick and sharp, in dissonance with the rhythms and tempos that guided the remaining crowd of characters,” wrote Boris Alpers, a classic of Soviet theatre critique, in his review of the premiere.

It all came to an end almost immediately after the war. On May 19, 1949, Tairov was fired from the Chamber Theatre by the decree of the State Committee of the Arts. On May 29, the theatre presented “Adrienne Lecouvreur” for the last time. Alisa Koonen played passionately, with abandon. “O, theatre, my heart will beat no longer with excitement of success. Oh, how I loved theatre... Art! And nothing will remain of me, nothing but memories...” Adrienne’s final words became the Chamber Theatre creators’ farewell with the audience. Tairov was transferred to the Vakhtangov Theatre as just another director. But he could not live without his theatre. And so he passed away on September 25, 1950. The official diagnosis was brain cancer. For all intents and purposes, however, he died of disillusion and broken heart.

Compared to many of his contemporaries, he was lucky: he wasn’t sent to camps, he wasn’t executed like Meyerhold. It is unlikely, though, that these abstract reflections made Tairov feel any better about his fate. For him, life without the Chamber Theatre had absolutely no meaning.

Alisa Koonen outlived Tairov by quite a few years, dying in 1974. She worked indefatigably at music venues, on the radio, in recording studios. But she never again came on theatre stage...

There is a legend that after the Chamber Theatre was closed down, Koonen cursed the building itself, where they later opened the Pushkin Drama Theatre. In any case, Vasily Vanin, People’s Artist of the USSR, who was appointed director of that newly established theatre, died suddenly, even before the final repairs were completed.

Vladimir Torstensen, former Chamber Theatre actor, who knew Koonen well, categorically denied that myth. According to him, Alisa Georgievna was a truly religious person, “there was an icon case in her boudoir and burning oil lamps,” and the language of curses was foreign to her.

*Molore ea
acillaoreet
velis atueril
eros dolobortie
faci elendrem
zariure estie
farinci duiipit*

Фото: ГЦТМ им. А.А. Бакрушина

A.A. BAKHRUSHIN THEATRE MUSEUM

PARTICULARLY VALUABLE OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

BAKHRUSHIN STREET 31/12

TEL.+7(495)953-48-48

WWW.GCTM.RU

The Branches of A. A. Bakhrushin Theatre Museum:

The estate of dramatist A. N. Ostrovsky

The Theatre Salon on Malaya Ordynka

The House- Museum of M. N. Ermolova

The House- Museum of M. S. Shepkin

The Apartment- Museum of Vs. E. Meyerhold

The Apartment - Museum of the actors
family M. V. Mironova-A.S. Menaker

The Apartment - Museum of G. S. Ulanova

The Apartment - Museum of V. N. Pluchek

The theatrical painter David Borovsky-Brodsky memorial
museum- the creative Studio

